

Литература и Искусство МОСКВА

21 MAR 42

Маленький фельетон

С КЛОП, ЗАБРАВШИЙСЯ В ПЛАТЬЕ...

Клоп, забравшийся в складку платья Фриттифа Нансена и упавший вместе с ним на борт «Фрама», не может считаться великим путешественником...

Банку из-под консервов, плывущую за кормой сторожевого миноносца, не следует считать боевым кораблем, хотя она и движется в кильватерной колонне...

А. Мурского, написавшего «Музыкальную сатиру» в трех действиях «Адолф Первый и последний», не надо причислять к гитлераторам, которые словом, стихом борются с гитлеризмом...

Впрочем, сам Мурский склонен считать себя не консервной банкой, болтающейся за кормой, а именно самым что ни на есть боевым кораблем.

По крайней мере, прислав в издательство «Искусство» свое произведение и сообщив, что оно уже «репетуруется в трех театрах Музыкальной комедии (Ростов, Пятигорск, Краснодар), автор настаивает на «срочном издании», «скорейшем продвижении» и «повсеместном размножении» оперетты «на тему сегодняшнего дня»...

Когда же начинаешь читать рифмованную виршию драматурга Мурского «на тему сегодняшнего дня», сразу обнаруживаешь, что перед тобой лишь грубая пародия старой слабейшей оперетты Валентинова «Тайны гарема».

Автор сообщает, что он «заимствовал» у Валентинова лишь музыку. Увы, это не так! Он «заимствовал» и музыку, и основную ситуацию, и все сальные гаремные подробности, и тончайший развязный тон остро, прищипчиков и порнографических намеков.

Только «паша» превращен в «Гитлера» и вместо известных куплетов:

Я местный губернатор, паша, паша!
Мудрец администратор, паша, паша!

поет:
Бароны я властитель, Адольф, Адольф!
Я славых не покровитель, Адольф, Адольф!

Соответственно, в «Мусолини» переименовочен евнух Юсуф, в «Румынию» — одесситка Зулейка, в «Венгрию» — Зарема и т. д.

Матрос Гастон, переодетый в женский костюм и проникший в гарем, у Мурского превратился в советского матроса, который проникает в рейхсхоты (?) с целью освобождения Ирава (?) и там между ним и Гитлером разыгрываются сцены, невообразимые по грубости и глупости.

Оперетта начинается грустной арией Францки (в «Тайнах гарема» — Амина), которая... призывает Гитлера.

Далее на сцене появляются «Мусолини», «Риббентропи», который грязно заигрывает с Францкей, Венгрия, ежаущая на шее «прекрасного Адольфа», я, наконец, «старый ших Ирава», желающий выдать свою дочь Терезу (тут Мурский вполне забыл даже изменить имя героини «Тайн гарема») на Германию и прекратить ее «шурш-мурш» с советским моряком...

Выход этого моряка, который соблазняет красивую дочь паши, сопровождается пением не подлающих цитированных куплетов.

Потом матрос обращается к товарищам с призывом покончить с прохвостами итальянцев и немцев и кричит: — Тереза! Это я, Тереза, выйди сюда.

Тереза выходит и, кинувшись на шею другу, поет весьма «содержательную» арию:

— Скок, скок, скок, скок, скок, скок. Посмотри, какой сынок...

Откуда взялся сынок, мы так и не поняли, как не поняли еще многого в этой чудовищной калитуре, сотворенной на берегах вполне достойного Каспийского моря, в ничем до сих пор не освященном чудном городе Махач-Кала...

Глусная стряпня Мурского вряд ли нуждается в комментариях. И если она понравилась, то потому, что Мурский не одинок: спекуляция на патристической теме и чувствах зрителя существует и в работе «малоформистов» для эстрады и в так называемой развлекательной музыке.

Остается неясным только один вопрос: врал ли Мурский, когда сообщал, что «музыкальная сатира» репетуруется в Ростовской, Краснодарской и Пятигорской опереттах?

Или нашлись все же такие хитрухи и директора, которые сочли, что «тема сегодняшнего дня», мол, все вылезает и клоп, забравшийся в складку платья Фриттифа Нансена, может считаться великим путешественником?!

Евг. Бермонт.